

НЕВЕСТА ДЛЯ ЧАСОВЩИКА БУРЬ

НИКИТА КИЧКИН

Никита Кичкин

Невеста для часовщика бурь

«Автор»

2026

Кичкин Н.

Невеста для часовщика бурь / Н. Кичкин — «Автор», 2026

В Лиорне штормы приходят по расписанию. Богатые кварталы покупают ясное небо, а прибрежные улицы платят за чужую погоду разрушенными домами. Когда механик Адела находит ключ от главных погодных часов, её объявляют невестой человека, которого весь город винит в давней катастрофе. Часовщик Марек предлагает сделку: семь дней притворяться помолвленными, чтобы вместе добраться до закрытого механизма. Но каждая попытка повернуть стрелки стирает часть его памяти. Аделе придётся выяснить, кто продаёт бури, прежде чем Марек забудет их союз, а новый шторм смывает город.

© Кичкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День моей смерти	5
Глава 2. Жених по расписанию	8
Глава 3. Маленькая погода	12
Глава 4. Цена ясного неба	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Кичкин

Невеста для часовщика бурь

Глава 1. День моей смерти

Когда вода ушла из нижнего города, на дверях моей мастерской осталась рыба. Небольшая, серебристая, с открытым ртом. Она висела на гвозде, которым отец когда-то прибил расписание приливов. Рыбу принесло течением или кто-то повесил её нарочно — я так и не узнала. В ту ночь в Лиорне вообще случилось много вещей, для которых у меня не нашлось объяснения.

Шторм опоздал на три часа.

В других городах это сочли бы удачей. У нас — неисправностью. Лиорн жил по расписанию погодных часов: когда открыть шлюзы, когда вывести рыбацкие лодки, когда увести детей с набережной. На каждой башне висел циферблат с двумя стрелками. Золотая показывала время, синяя — приближение непогоды. Люди доверяли синей больше, чем собственным глазам.

Вчера в полдень она остановилась.

К вечеру над морем стояло тихое небо, и хозяева лавок уже успели обвинить зрителей в очередной попытке выбить деньги на ремонт. В девять часов, когда прогноз обещал ясную ночь, в гавань вошла стена воды. Она сорвала крыши с рыбного рынка, разбила семь лодок и вырвала из камня старую ограду у дома моей тётки. Большой город на холме почти не заметил бури. Даже фонари в Верхнем квартале не погасли.

Я пришла в мастерскую сразу после рассвета. Улица была покрыта солью, угольной пылью и зелёными водорослями. Сосед, пекарь Люсьен, выносил из своей лавки мокрые мешки муки.

— Адела, насос опять умер, — сказал он вместо приветствия. — У тебя найдётся час?

— У меня найдётся два, если ты заплатишь за один.

Он посмотрел на меня, потом на витрину без стекла.

— Я заплачу, когда испеку хоть один хлеб.

— Значит, чинить будем сегодня.

Он кивнул. Соседи давно перестали благодарить друг друга за такие вещи. В нижнем городе помощь была не добродетелью, а способом дожить до следующего прилива.

Я сняла рыбу с гвоздя, отнесла к каналу и вернулась к двери. Замок заело от соли. Пока я возилась с ним, по улице прошла колонна городских служащих в сухих серых плащах. Ни у одного на сапогах не было ила. Они держались плотной группой и смотрели поверх наших голов, туда, где на холме мерцали стеклянные башни Палаты ясного неба.

Один остановился у моей мастерской.

— Вы Адела Вейн?

— Если счёт за шторм выставили лично мне, приходите завтра.

Он не улыбнулся. Зато я успела заметить серебряную пластинку на его воротнике: знак ревизора. Обычно они появлялись после ущерба, чтобы доказать, что виноват чей-то плохо закреплённый ставень, а не погодные часы.

— В эту ночь погиб насосник на Восточной дамбе, — сказал он. — Вы работали с ним?

— Там работает шестеро. Имя?

— Позже.

— Тогда и мой ответ позже.

Его товарищ тронул его за рукав, и они пошли дальше. Меня будто облили холодной водой вторично. Отец умер на той же дамбе семь лет назад. После этого слово «насосник» я слышала как удар молотка: сначала звук, потом боль.

Замок наконец поддался. Внутри пахло железом, солью и разбухшим деревом. Вода поднялась до третьей полки; след остался на стене тёмной ровной чертой. Всё ниже него было испорчено. Я поставила сумку на сухой верстак и открыла оконные ставни. Сквозь мутное стекло упал узкий луч солнца.

Отец говорил, что хороший механизм выдаёт себя голосом. Тот, который сломался, молчит. Тот, который собирается сломаться, начинает разговаривать слишком много. В углу, за тяжёлым корпусом насосной машины, что-то едва слышно тикало.

Я замерла.

В мастерской не было часов. После смерти отца я вынесла последние. Их ровный ход мешал мне спать: ночью казалось, что он считает минуты до новой аварии.

Тик.

Пауза.

Тик.

Я опустилась на колени и отодвинула решётку под машиной. Насос был старый, с медными рёбрами и кожаным клапаном; я сама перебирала его в начале осени. Между рёбрами теперь застрял предмет, которого вчера там не было: узкий латунный футляр, плотно обёрнутый промасленной тканью.

— Откуда ты взялся?

Машина ответила сухим щелчком. Я не верила в вещие знаки и всё же задержала дыхание, прежде чем вытянуть футляр. Он был тёплым. Ни вода, ни холодная ночь не остудили металл. Замочек открылся под ногтем, будто ждал именно моих рук.

Внутри лежал ключ. Длинный, с тремя зубьями разной длины и круглой головкой, похожей на крошечный циферблат. На обороте головки были выгравированы имя и дата.

Адела Вейн. Двадцать седьмое октября.

Сегодня было двадцать шестое.

Я провела пальцем по буквам. Не ошибка, не игра света. Моё имя было вырезано давно: края штрихов потемнели от времени. Рядом стоял маленький знак похоронного бюро — ветка кипариса в круге. Такой знак ставили на механических замках у семейных склепов.

Из переулка донёсся грохот. Я вздрогнула и едва не уронила футляр. За окном двое мальчишек катили бочку, а Люсьен ругался на них с порога. Обычное утро после бедствия. Именно поэтому надпись казалась особенно невозможной.

Я завернула ключ обратно и сунула во внутренний карман. Сначала осмотрела насос. Нижняя ось была искривлена, но работать машина ещё могла. Странно было другое: на валу блестела тонкая дорожка свежего масла. Кто-то открыл корпус в течение ночи. В шторм, пока вода поднималась до окон, этот человек вошёл в мастерскую, спрятал футляр и не оставил других следов.

С улицы постучали.

На пороге стояла Инга Рель. Ей было за пятьдесят, но она ходила быстрее большинства молодых мастеров и разговаривала так, будто каждое слово стоило денег. Серое пальто промокло по подолу. В руке она держала бухгалтерскую папку под куском вощёной ткани.

— Ты открыла рано, — сказала она.

— Ты пришла раньше.

Инга вошла без приглашения. Она работала счётчицей погодных квот, поэтому знала, в какую ночь можно не брать зонт, а в какую лучше не выходить из дома. Вчера она была на улице, когда буря ударила. На её щеке тянулась свежая царапина.

— Палата прислала ревизоров, — сказала я.

— Они ищут пропажу.

— Насосника?

— И его работу.

Инга посмотрела на корпус машины. Я поняла, что она не пришла случайно.

— Чего они лишились?

Она выдохнула, но ответа не дала. Расстегнула папку и вынула лист, покрытый мелкими цифрами. В правой колонке стояли названия кварталов. Напротив Верхнего — тридцать ясных дней. Напротив нашего — минус двенадцать.

— Я не специалист по погодным квотам, — сказала я. — Но отрицательное число выглядит плохим.

— Это долг. Палата перенесла сюда бурю с другого побережья. На бумаге вышло двенадцать часов дождя. В реальности — то, что ты видела.

— Кто подписал перенос?

Инга сложила лист так быстро, будто он обжёг ей пальцы.

— Не здесь.

Снаружи снова слышались шаги ревизоров. Мы обе замолчали. Один подошёл к моему окну, и его тень легла на верстак. Он заглянул внутрь, встретился со мной взглядом, потом опустил глаза на открытый насос.

— Мастер Вейн, — позвал он. — Мне нужно осмотреть помещение.

Инга отступила за полку. Я встала между дверью и машиной.

— У вас есть распоряжение?

Он показал бумагу с красной печатью. Я не успела её прочитать. Позади него появился мужчина в тёмном пальто без знаков Палаты. Высокий, со спутанными после ветра волосами и усталым лицом, каким бывает лицо человека, проводшего ночь у больничной кровати. Он посмотрел не на меня, а на мой карман.

— Распоряжение ошибочно, — сказал он ревизору. — Мастерская находится под семейной защитой.

— Какой ещё защитой? — спросила я.

Мужчина вошёл, не дожидаясь ответа. На его пальцах были тонкие ожоги от металла, а на запястье виднелась часовая цепочка, уходящая под рукав.

Ревизор нахмурился.

— Господин Северин, ваше право здесь не действует.

— Действует с сегодняшнего утра.

Мужчина повернулся ко мне. Его серые глаза были внимательными и удивительно спокойными для человека, который, судя по всему, только что солгал городскому служащему.

— Простите, Адела, — сказал он. — Я надеялся познакомиться иначе.

— Мы знакомы?

— Пока нет. Я Марек Северин. И, если вы не выставите меня немедленно, через минуту эти люди поверят, что мы помолвлены.

Инга за полкой громко уронила папку.

Я посмотрела на ключ в своём кармане, потом на ревизора. Тот уже вытащил из сумки печать для описи имущества. У меня были десятки вопросов к незнакомцу. Первый я задала шёпотом:

— А если я выставлю вас?

Марек ответил так же тихо:

— Тогда они найдут ключ. И завтра дата на нём перестанет быть предупреждением.

Глава 2. Жених по расписанию

Я никогда не хотела выходить замуж ради права на обыск. Судя по лицу ревизора, он тоже не ожидал оказаться свидетелем помолвки.

— Подтвердите, — потребовал он у меня.

Марек не повернулся. Он стоял рядом, но не касался меня и не подсказывал ответ. Это было умно: любое вмешательство выглядело бы принуждением. Я могла отправить его к чертям, а потом попытаться спрятать ключ от людей Палаты. Шансов было мало. Ревизор уже дважды посмотрел на мой карман.

— Подтверждаю, — сказала я.

В тот же миг мне захотелось забрать слова обратно.

Ревизор сложил распоряжение. Его спутник, до этого молчавший у двери, достал записную книжку.

— С какого числа? — спросил он.

— С двадцать шестого октября, — ответил Марек.

— В каком храме заключено намерение?

— Ни в каком. Семейная защита вступает в силу после объявления при двух свидетелях. Вы — первый и второй. Статья сорок два городского устава.

Я знала эту статью. Отец однажды чинил часы старому судье и получил в плату не деньги, а стопку сборников законов. Мы использовали их, чтобы подкладывать под ножки верстака, пока я не прочитала несколько скучных глав. Статья сорок два действительно существовала. Она защищала мастерские от обыска по долгам, если помещение становилось частью приданого. Но требовала ещё одного условия.

— Полную опись имущества составляют завтра, — сказал ревизор. — Если помолвка выдумана, вы оба ответите за препятствие проверке.

— Принесу опись к полудню, — сказал Марек.

Ревизор сделал запись. Прежде чем уйти, он задержал взгляд на насосе.

— Корпус вскрыт недавно.

— После затопления я его и вскрыла, — ответила я. — Вы можете посмотреть на работу завтра, когда получите законное разрешение.

Служащие вышли. Их шаги стихли за углом. Инга появилась из-за полки и вытерла ладонью щёку. На пальцах осталась тёмная полоска чернил.

— Вы сумасшедшие, — сказала она.

— Я тебя впервые вижу, — ответила я Мареку. — Под это определение пока подпадаешь только ты.

Он сделал короткий поклон, слишком вежливый для затопленной мастерской.

— Справедливое замечание. Я могу объяснить.

— Начни с того, почему знаешь о ключе.

Марек посмотрел на Ингу. Та скрестила руки на груди.

— Если вы хотите выгнать меня из разговора, сначала расскажите, кто вчера ночью переписал мои ведомости.

— Я не переписывал, — сказал он. — Я взял копию.

— Без разрешения.

— С разрешения человека, который оставил её в моём ящике.

Они смотрели друг на друга так, словно уже неделю спорили об одном и том же. Я положила футляр на верстак. Обоим пришлось прекратить спор.

Марек протянул руку и остановил её в нескольких сантиметрах от ключа.

— Можно?

Я кивнула.

Он снял ткань, не касаясь металла. Увидел надпись. Лицо его изменилось; всего на мгновение, но я заметила. Он ожидал найти ключ. Дату — нет.

— Что она означает? — спросила я.

— Погребальные ключи делают для тех, кто не может прийти на собственные похороны.

— Не начинай загадками.

— Это не загадка. Старый обычай часовщиков. Если мастер погибал при испытании механизма, его семья получала ключ с датой последнего запуска. По нему открывали тайник с чертежами и завещанием.

— Значит, кто-то считает, что завтра я погибну при испытании.

— Или хочет, чтобы вы так думали, — сказала Инга.

Марек перевернул ключ. Под ногтем у него сверкнула царапина в виде маленькой стрелки.

— Мне нужен час, — сказал он. — В моей мастерской я смогу определить, к какому механизму он подходит.

— А мне нужен ответ на вопрос о насоснике.

Инга опустила глаза.

— Его звали Томас Гель. Он работал на Восточной дамбе с твоим отцом.

Я помнила Томаса: широкий мужчина с тихим голосом, который приносил мне шоколадные пряники, когда отец задерживался на смене. В последний раз я видела его два года назад на улице. Он сделал вид, что не узнал меня.

— Он умер прошлой ночью? — спросила я.

— Так написали в отчёте, — ответила Инга.

Марек поднял голову.

— Отчёт составили до шторма.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл сказанного. Я ожидала объяснения, но Марек снова завернул ключ и протянул футляр мне.

— Пойдёмте. Здесь слишком много окон.

Инга осталась ждать другого счётчика, который должен был забрать её папку. Мы с Марек-ком вышли через заднюю дверь. Улица за мастерской была узкой и пустой. С крыш капала вода; в сточных желобах шуршали ракушки. Он шёл быстро, стараясь не наступать в самые глубокие лужи. Я шла рядом и пыталась решить, стоит ли ему доверять хотя бы дорогу.

— Почему ты пришёл именно сегодня? — спросила я.

— Я ждал ключ семь лет.

— Мой отец умер семь лет назад.

Марек остановился. Теперь между нами было всего полшага. Издалека донёсся колокольный звон. На ближайшей башне золотая стрелка показывала десять утра; синяя стояла на месте, хотя над морем уже собирались новые тучи.

— Я знаю, — сказал он.

— Ты работал с ним?

— Нет. Я пришёл в Палату после аварии.

— Тогда откуда знаешь, что он оставил ключ?

— Он не оставлял его. Насколько мне известно, ключ был сделан вчера.

Я достала футляр. На металле темнели старые края резьбы, какие я заметила утром.

— Этому ключу не один день.

— Внутри погодных часов время течёт иначе, — сказал Марек. — Для нас его сделали вчера. Для самого ключа могло пройти семь лет.

Я рассмеялась. Не потому, что поверила ему, а потому, что внезапно стало страшно. Отец учил меня чинить машины с помощью напильника, масла и точного измерения. О погодных

часах он рассказывал сдержанно: да, они меняют вероятности, но чудеса тоже обязаны подчиняться расчёту. Мне хотелось держаться за этот расчёт.

— Покажи механизм, — сказала я.

Марек кивнул и снова пошёл впереди.

Мы пересекли Рыбный мост. Слева рабочие вытаскивали из гавани сломанную мачту. Справа уличные дети собирали медные монеты, вымытые из трещин мостовой. На балконе Верхнего квартала играла скрипка. Звук плыл над водой так безмятежно, что у меня свело челюсти.

— Там даже окна целы, — сказала я.

— На их стороне погодный долг положительный.

— Инга показала мне ведомость. Наш долг отрицательный. Как это может работать? Дождь ведь не казначейская бумага.

— Он не бумага. Бумага решает, кто окажется под ним.

На середине моста нас окликнула женщина. Она держала за руку мальчика лет шести. У обоих одежда была в грязи; на шее мальчика висел металлический жетон с адресом.

— Господин Северин! — крикнула она. — Вы обещали, что сегодня будет спокойно.

Марек побледнел.

— Я такого не обещал.

— Вчера вечером, у шлюза. Вы сказали: «До вторника никаких волн». Я увела сына домой, потому что поверила вам.

— Мне жаль, — сказал он.

Женщина покачала головой. Ей не нужно было сожаление. Ей нужен был человек, которому можно предъявить разбитый дом. Она увела мальчика, а Марек остался смотреть им вслед.

— Ты правда говорил это? — спросила я.

— Не знаю.

— Это удобный ответ.

Он обернулся. В его глазах впервые появилась злость, направленная, кажется, не на меня.

— Каждый раз, когда я завожу главные часы, я теряю часть памяти. Иногда час. Иногда день. Вчера я потерял почти неделю. Мне сообщили о шторме лишь утром.

Я не знала, верить ли. На мосту он мог сказать что угодно, чтобы отвести вину. Но злость была настоящей. И страх под ней тоже.

— Тогда как ты вспомнил обо мне?

— Я записал ваше имя на руке.

Марек поднял манжету. На коже у запястья было выведено чернилами: «Адела. Ключ. Не опаздывать».

Ниже, другим почерком, мелко и торопливо стояло: «Не сообщать о дамбе».

Я прочла вторую строку вслух. Он дёрнул рукав вниз, но было поздно.

— Что ты скрываешь о моём отце?

Марек посмотрел на неподвижную синюю стрелку. Над ней темнела грозная полоса.

— Если скажу здесь, нас обоих услышат. И, возможно, до мастерской мы не дойдём.

— А если не скажешь, я не пойду.

Мы стояли друг напротив друга посреди моста. Люди обходили нас, занятые собственными бедами. Марек медленно снял с шеи тонкую цепочку. На ней висел круглый жетон, испи-санный почти стёршимися цифрами. Он вложил жетон мне в ладонь.

— После гибели вашего отца Палата назначила виновным меня, — сказал он. — Мне было двадцать пять, и я ещё не работал на главных часах. Меня сделали виновным за три дня до аварии.

Я сжала жетон. Цифры вдавились в кожу.

На обратной стороне стояла дата того самого дня: за три дня до смерти отца.
— Теперь, — сказала я, — ты расскажешь всё. Не в мастерской. Сейчас.

Глава 3. Маленькая погода

Марек привёл меня в бывшую башню речного лоцмана. Она стояла в стороне от людных улиц, за складом канатов, и выглядела так, будто её давно забыли разобрать. Окна были высокими и узкими. Медная крыша позеленела, нижние ступени истёрлись под сапогами поколений смотрителей.

Внутри оказалось тепло. На стенах висели часы: круглые, квадратные, совсем маленькие, с маятниками из стекла и камня. Но ни одни не шли. Их стрелки показывали разное время. Если бы здесь жил кто-то другой, я решила бы, что мастер ненавидит собственное ремесло.

— Ты их не заводишь? — спросила я.

— Они заводятся сами, когда рядом происходит нужное событие.

— Например?

Марек указал на часы с белым циферблатом.

— Эти пошли вчера, когда погиб человек на Восточной дамбе. Те, с треснувшим стеклом, останавливаются при каждом ложном сообщении Палаты о погоде.

— Они стоят все.

— Поэтому я держу их здесь.

Он зажёл лампу над верстаком. Под колпаком лежал стеклянный шар размером с яблоко. Внутри него клубился крошечный серый вихрь. Шар выглядел хрупким, но подставка была привинчена к столу четырьмя толстыми болтами.

— Опытный прибор, — сказал Марек. — Он покажет, чей ключ у тебя в руках.

— На ключе написано моё имя.

— Это имя получателя. Не мастера.

Я положила футляр рядом с шаром. Марек достал из ящика лупу и тонкий крючок. Он работал сосредоточенно: сначала проверил зубья, затем измерил расстояние между ними, записал число на полоске бумаги. Я наблюдала за его пальцами. Ожоги на них были свежими, а ногти — чистыми. Так выглядели руки человека, привыкшего к опасной, но точной работе.

— На дамбе, — начала я, — ты сказал, что Палата назначила тебя виновным до аварии.

— Не Палата целиком. Один её отдел.

— Как можно назначить виновного заранее?

Марек отложил лупу.

— Когда заранее знаешь, что авария произойдёт.

Я ожидала этих слов и всё равно не была к ним готова. Семь лет я складывала в голове удобную версию смерти отца: старый механизм, сильная волна, недостаточный ремонт. Мне не нравилось думать, что кто-то мог решить исход до того, как он вышел на смену.

— Ты видел распоряжение?

— Нет. Я видел своё имя в протоколе. Протокол был подписан за три дня до разрушения дамбы.

— Где он теперь?

— В закрытом архиве Палаты. Я сделал копию, но её украли.

— Удобно, — сказала я снова, хотя повторение уже казалось мне детским упрямством.

Марек не спорил. Он подвинул ко мне полоску бумаги с измерениями.

— Посмотри на последний зубец. Он не выточен. Его отломили.

Я взяла ключ. На конце действительно оставалась свежая шероховатость, не похожая на старые потемневшие края надписи.

— Кто-то подогнал его под другой замок.

— Под этот.

Марек открыл скрытую крышку в основании стеклянного шара. Под ней было отверстие для ключа. Первые два зубца совпадали с пазами; третий не дал бы повернуть механизм, если бы его не укоротили.

— Кто знает, что у тебя есть этот прибор? — спросила я.

— Четверо. Двое мертвы, один больше не разговаривает со мной, а четвёртая стоит здесь.

— Это плохой способ убедить меня вставить ключ.

— Я не прошу тебя вставлять его. Я прошу разрешения сделать это самому.

Он положил ладонь на стол, открыто, без движения к футляру. Я оценила расстояние до двери. Если шар лопнет, меня осколками достанет раньше, чем я успею убежать.

— Что случится?

— Внутри появится малая погода, связанная с ключом. Дождь, ветер, снег. Она не выйдет за стекло, если прибор исправен.

— А если нет?

— Тогда мы узнаем об этом довольно быстро.

Я невольно улыбнулась. Марек тоже — устало, почти незаметно. Это было первое выражение на его лице, не похожее на маску.

— Делай, — сказала я. — Но сначала открой дверь.

Он открыл. Потом вернулся к верстаку, вставил ключ и повернул его на четверть оборота.

Шар потемнел. Серый вихрь прижался к стеклу, будто искал выход. Из глубины пришёл тонкий звон, и на внутренней поверхности выступили капли. Я наклонилась ближе. В каплях отражалась не башня, а улица: мокрая мостовая, вывеска моей мастерской, рыба чешуя на пороге.

— Это нынешнее утро, — сказала я.

— Подожди.

Отражение дрогнуло. Улица исчезла, возникла Восточная дамба. Я узнала три арки, створ шлюза и фонарь, который отец обещал починить перед последней сменой. На картинке он горел. Под ним стоял человек в сером плаще и держал раскрытую папку. Ветер поднял край бумаги. Я увидела знакомую фамилию на верхней строке.

Вейн.

— Это мой отец?

— Нет. Это запись о нём.

Марек говорил медленно, словно каждый звук приходилось доставать из густого воздуха. Я повернулась к нему. Он держался за край верстака. На лбу выступил пот.

— Выключи прибор.

— Ещё несколько секунд.

На стекле возникла дата: двадцать седьмое октября. Затем цифры стали меняться. Седьмое ноября, шестнадцатое декабря, третье марта. Одна за другой прошли даты, которые ещё не наступили. На последней — двадцать седьмое октября будущего года — шар вспыхнул белым светом.

Марек выдернул ключ. Шар замер, но его пальцы не разжались. Он смотрел сквозь меня в тёмный угол комнаты.

— Марек.

Он не ответил.

— Где мы сейчас?

Его взгляд медленно вернулся ко мне.

— В башне, — сказал он. — Простите. Кто вы?

Я ожидала, что память исчезает постепенно: человек забывает слово, лицо, встречу. На самом деле всё произошло мгновенно. Ещё секунду назад он знал моё имя. Теперь смотрел на меня как на незнакомку, которая без спроса стоит у его верстака.

— Адела Вейн. Ты привёл меня сюда.

Он опустил взгляд на ключ, потом на надпись у себя на запястье. Прочитал её вслух, тихо:

— Адела. Ключ. Не опаздывать.

На улице послышался далёкий бой башенных часов. Марек нахмурился.

— У меня осталось девять часов до второй смены, — сказал он. — Почему я поворачивал ключ днём?

— Чтобы понять, что он открывает.

— И что показал прибор?

Я рассказала. Он выслушал, проверил корпус шара и записал каждую деталь в толстую тетрадь. Сходство его поведения с поведением отца почти ранило: тот тоже доверял записям больше, чем памяти.

— Ты потерял несколько минут? — спросила я.

— Похоже, больше. Я не помню вчерашний вечер. Но это началось не сегодня.

Он отложил карандаш. На странице выше моей истории стоял список из трёх имён. Два были перечёркнуты. Третьим значилась Инга Рель.

— Это те, кто знал о приборе?

Марек закрыл тетрадь.

— Не читай чужих записей.

— Ты сам оставил её открытой.

— Я не помню, зачем.

Мы переглянулись. Спорить с человеком, который не помнит собственных действий, было бессмысленно. Но мне нужно было знать, можно ли уйти отсюда живой и не привести за собой ревизоров.

— Снимем помолвку, как только найдём ответы, — сказала я. — До завтра тебе нужен список моего имущества. В нём нет ключа.

Марек обошёл верстак и открыл узкий шкаф. Внутри висели два сухих плаща. Он протянул мне один.

— Надень. Буря начнётся через час.

— Синяя стрелка стоит на месте.

— Поэтому и начнётся.

Я посмотрела в окно. Над крышами было ещё светло. Жители нижнего города сушили мебель, развешивали одежду, считали ущерб. Они верили башням. Я тоже верила им вчера.

— Надо предупредить людей.

— Мы не успеем обойти улицы.

— У меня есть мастерская с сигнальным гудком. До неё десять минут.

Марек взял тетрадь и ключ, но я остановила его ладонью.

— Ключ остаётся у меня.

Он отдал без возражений. Возможно, забыл, чем опасна вещь. Возможно, с самого начала хотел, чтобы я решала сама.

У двери он задержался.

— Что ещё я сказал вам до того, как потерял память?

— Что твоё имя было в протоколе аварии до смерти моего отца.

Марек прикрыл глаза.

— Тогда всё сложнее, чем я думал.

— Потому что ты соврал?

— Потому что я не должен был помнить протокол.

Глава 4. Цена ясного неба

До мастерской мы добрались за одиннадцать минут. Мне пришлось бежать последние два квартала, потому что ветер уже потянул с моря холодную влажность. Марек отстал у рыбного рынка: он остановился предупредить продавцов, которые приколачивали доски к разбитым лавкам. Никто ему не поверил. В городе, где погода висит на башенных циферблатах, словам изгнанного часовщика верят меньше, чем сломанной стрелке.

Сигнальный гудок стоял под крышей моей мастерской. Я делала его не для штормов, а для пожаров: после зимы, когда в соседнем доме едва не сгорела семья Люсьена, мы решили, что ждать городской колокол нельзя. Медная труба соединялась с ручным мехом. За год я включала его лишь дважды, оба раза для проверки. Теперь поднялась по лестнице, упираясь коленями в мокрые ступени, и начала качать.

Первый звук вышел хриплым. Второй прокатился над каналом и ударился о стены верхнего города. На третий из лавки выбежал Люсьен.

— Адела! — крикнул он. — У нас опять пожар?

— Шторм. Через час, может, раньше. Уводи людей наверх.

Он посмотрел на башню. Синяя стрелка всё ещё стояла горизонтально.

— Откуда знаешь?

Я могла объяснить про стеклянный шар, ключ с датой моей смерти и человека, который только что забыл меня. От этого Люсьен вряд ли побежал бы спасать соседей.

— Я проверила давление у гавани. Оно падает.

Это было правдой лишь наполовину: я ещё не дошла до барометра. Но Люсьен доверял приборам. Он кивнул и побежал к своей лавке. На улице люди поднимали головы. Некоторые двинулись к лестницам между кварталами, другие продолжили таскать мокрые вещи. После ночной бури силы на вторую тревогу оставались не у всех.

Я спустилась и нашла барометр. Стрелка действительно шла вниз. Слишком быстро.

Марек вошёл запыхавшись. На плече у него сидела чужая кошка, которую он снял с подоконника затопленного дома. Он передал её мальчику у двери.

— Рыбный рынок не слушает, — сказал он.

— Люсьен пойдёт туда. У него громче голос.

Марек заметил старую ведомость, которую Инга оставила на верстаке. Он взял лист, пробежал глазами колонки и резко выпрямился.

— Они не просто перенесли бурю. Они провели обмен.

— С кем?

— С портом Харрен. Здесь указаны их маячные часы. Смотри: Верхний квартал получил тридцать ясных дней. Нижний — минус двенадцать. Но у Харрена после сделки осталось ещё восемьдесят дней запаса. Такого не бывает. Один ясный день там должен стоять одного штормового часа здесь, не больше.

— Ты снова говоришь как счетовод.

— Потому что механика точна. Если в ведомости лишние дни, их украли из другого места.

Ворваться в Палату и потребовать правильных цифр было бы приятно, но бесполезно. Я отняла лист и разложила рядом с барометром.

— Может, это просто подделка?

— Тогда кто-то очень аккуратно подделал имя Харрена и старый тариф.

— Инга не стала бы приносить мне ложные данные.

Марек посмотрел на меня. Я поняла, что прозвучала слишком уверенно для человека, который час назад не доверял ему самому.

— Ты знаешь её давно? — спросил он.

— С детства. Она иногда проверяла отцовские расчёты. После его смерти помогла закрыть долги.

— Были долги?

— Остались счета за восстановление дамбы. Палата решила, что отец ошибся при ремонте. Мы выплачивали компенсацию три года.

Марек медленно сел на табурет.

— Ты не знала, что протокол составили заранее.

— Нет. И теперь пытаюсь понять, почему это знает человек, который в те дни даже не работал в Палате.

С улицы донёсся новый голос Люсьена. Он кричал соседям, чтобы они поднимали детей. Я представила, как вода снова идёт через мостовую, где ещё не высохли стены. Вчерашняя буря ударила ночью. Сегодня люди были дома, уставшие и рассеянные. Если они не уйдут быстро, потеря станет больше.

— Пойдём на рынок, — сказала я. — С ведомостью разберёмся позже.

Мы вышли к каналу. Небо уже потемнело, и мелкие волны шли против обычного течения. Марек посмотрел вверх, на башенную стрелку. Она дрогнула, но не сдвинулась.

— Её держат, — сказал он.

— Кто?

— Тот, кто хочет, чтобы тревогу объявили слишком поздно.

На рынке было шумно. Торговцы закрывали прилавки, спорили, тащили ящики под навесы. Люсьен взобрался на перевёрнутую лодку и повторял моё предупреждение. Ему отвечали смехом и злостью. Нельзя обвинять людей за то, что они не верят третьей беде за сутки. Я сама хотела найти способ развернуться и уйти домой, за закрытую дверь.

Марек взял меня за локоть.

— Есть городской гонг. На башне налоговой службы. Один удар означает эвакуацию.

— Он заперт.

— У тебя ключ от погоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.